

— Если будет следующий раз, я сразу же вышвырну тебя обратно в Дворец Тайхуа! — произнёс Оуян, одновременно накидывая на себя одежду и спускаясь с кровати. Он потянул за верёвку звонка рядом с ложем, вызвав ночную служанку Таохун, и приказал ей принести из кухни имбирный отвар.

Ци Юньхэн с неизменной улыбкой лежал на кровати, не сводя глаз с Оуяна, который отдавал распоряжения.

Тот внезапно почувствовал неладное, обернулся и внимательно осмотрел Ци Юньхэна с ног до головы, затем подошёл ближе и принюхался. Вскоре он нахмурился:

— Ты напился?

Ци Юньхэн, судя по всему, перед приходом умывался, и запах алкоголя от него был несильным, но при ближайшем рассмотрении всё же можно было уловить следы.

— Не так уж много, — ответил Ци Юньхэн своим обычным тоном, но выражение его лица и поведение ясно указывали на то, что он находился как минимум в лёгком опьянении.

Оуян нахмурился ещё сильнее, не стал тратить слова на пьяного, надел на себя ещё немного одежды и вызвал евнуха Вэй, приказав ему приготовить ванну и горячую воду.

Вскоре горячий имбирный отвар и кипящая вода для ванны были доставлены.

Оуян тут же вытащил Ци Юньхэна из кровати и бросил его в ванну. Когда тот начал потеть, он влил в него имбирный отвар, чтобы прогреть изнутри и снаружи, заставив основательно пропотеть.

Однако Ци Юньхэн не протрезвел, а, наоборот, полностью расслабился, закрыл глаза и уснул прямо в ванне.

Оуян в гневе сжал кулак, но в конце концов так и не ударил Ци Юньхэна.

Оставшись в дурном настроении, Оуян смирился и продолжил убирать за ним. Он вытащил пропотевшего Ци Юньхэна из ванны, вытер его насухо, уложил обратно в постель и использовал свою силу, чтобы вывести остатки алкоголя из его тела, гарантируя, что тот проснётся в нормальном состоянии.

На следующий день Ци Юньхэн с трудом открыл глаза, собираясь спросить, который час, но заметил, что балдахин над головой отличается от того, что был в его спальне, а в его объятиях оказался горячий, твёрдый и голый красавец.

Ци Юньхэн слегка удивился, но затем вспомнил, что, похоже, снова пришёл в Летний дворец прошлой ночью.

Вчерашний дворцовый пир прошёл довольно гладко.

После обсуждения с тремя герцогами и группой приближённых места на пиру были разделены по военным и гражданским чинам, с военными слева и гражданскими справа.

Как раз при составлении списка гостей на пир уже учитывался баланс между военными и гражданскими, поэтому их разделение не привело к неловкой ситуации, когда одна сторона была пустой, а другая переполненной.

Реакция чиновников на такое расположение также не была бурной.

В конце концов, это был лишь начальный период основания династии, и заслуги военных были неоспоримы для гражданских чиновников. Главный гражданский чиновник промолчал, и нижестоящие, даже если у них были сомнения, не осмеливались действовать. Военные же не стали возражать против такого повышения их статуса, более того, они были рады, что император поддерживает их. Однако все военные, приглашённые на пир, были не невежественными грубиянами, не знавшими грамоты, и прекрасно понимали, что такие мысли можно только думать, но не говорить, и как бы они ни зазнавались, не стали бы на таком мероприятии грубить гражданским чиновникам.

Таким образом, одна сторона не могла высказать свои обиды, а другая не могла выразить свою радость, и обе стороны невольно выплеснули свои эмоции в вине, что подтверждалось количеством выпитых на пиру кувшинов, которых хватило бы, чтобы заполнить три склада.

Если бы не бдительность евнуха Вэй, который вовремя и быстро предупредил Ци Юньхэна, позволив тому завершить пир до того, как вино закончилось, вчера мог бы произойти большой скандал, когда сановники пришли на императорский пир, но остались без вина.

Ци Юньхэн не перепил на пиру, но после его завершения он оставил группу приближённых и устроил небольшой пир в Чертоге Цянькунь.

Поскольку вокруг были только знакомые и доверенные лица, Ци Юньхэн невольно расслабился, перестав держаться как император. К тому же, когда слуга сообщил, что Оуян вернулся в Летний дворец, Ци Юньхэн окончательно успокоился, и, расслабившись, стал пить больше.

После этого воспоминания Ци Юньхэна стали расплывчатыми, он лишь помнит, что после окончания пира, несмотря на уговоры окружающих, настоял на том, чтобы отправиться в Летний дворец, где его ждала основательная чистка от Оуяна...

Ци Юньхэн опустил взгляд, осмотрел себя, тоже голого, и внимательно оценил своё состояние. Он чувствовал себя бодрым и полным сил, а его оружие внизу живота было готово к бою, жаждущее действия.

Казалось, всё было готово, оставалось только взять оружие и ринуться в бой, но человек в его объятиях не был игрушкой, с которой можно обращаться как угодно — ни с точки зрения статуса, ни с точки зрения силы.

Хотя у Оуяна были тонкие руки и ноги, а лицо было нежным, как цветок, если бы дело дошло до драки, даже нынешний Ци Юньхэн не мог бы с уверенностью сказать, что одолеет его, а десять лет назад он бы и вовсе не смог ничего сделать.

Дом графа Цинъяна был заслуженным основателем прошлой династии, и первые поколения его глав были военными. Даже если с каждым поколением они становились всё слабее, и в конце остался только пустой титул, воинские традиции семьи не прервались, всё зависело от того, готовы ли потомки приложить усилия и иметь желание.

Последний граф Цинъян, отец Оуяна, был тем, кто не хотел прилагать усилий и не стремился к достижениям. Но Оуян полностью унаследовал умения своих предков, и даже его племянница Оу Цзин многому научилась, с детства мастерски владея кнудом, а сейчас, вероятно, стала ещё сильнее.

Вспоминая это, потомки семьи Оу были прекрасны, как цветы, но те, кто добился успеха, были подобны цветам-хищникам.

— Если в будущем кто-то разозлит его, и нельзя будет наказать открыто, можно подумать о том, чтобы выдать Оу Цзин замуж за этого человека и наблюдать за схваткой.

Ци Юньхэн предавался размышлениям, когда человек в его объятиях внезапно заговорил:

— О чём плохом думаешь?

Ци Юньхэн вздрогнул, подумав, что Оуян вдруг научился читать мысли, но боль, последовавшая снизу, быстро вернула его в чувства.

Оуян слегка ущипнул его оружие, готовое к бою.

— А, ты об этом.

Ци Юньхэн виновато хихикнул, затем не смог сдержаться и наклонился, прижав губы к уху Оуяна, и прошептал:

— Хочешь?

— Если я скажу «нет», ты действительно откажешься? — Оуян поднял голову и с презрением фыркнул.

— Тогда... давай? — Ци Юньхэн улыбнулся, крепче обнял человека в своих объятиях и начал осторожно двигаться.

Оуян не ответил, лишь снова фыркнул.

Но хотя он не ответил, он и не отказал Ци Юньхэну в дальнейших попытках.

Он тоже был мужчиной, хоть и не таким пылким, как Ци Юньхэн, но был тем, кто играл роль мужа. На своей собственной кровати, в объятиях своей жены, которая просила его и говорила «я хочу», какой мужчина сказал бы «нет» или осмелился бы отказать?

— Ну что ж, давай, как утренняя зарядка.

Оуян прикрыл глаза, наслаждаясь жаром Ци Юньхэна.

.....

.....

Когда они, всё ещё не насытившись, покинули кровать, снаружи уже ярко светило солнце.

Позавтракав вместе, Ци Юньхэн наконец вспомнил спросить Оуяна, почему тот вернулся в поместье вчера.

— Не говори, — с досадой ответил Оуян. — Слуги в поместье, чтобы согреться, слишком плотно закрыли окна и двери, используя угольную жаровню, и в итоге отравились угарным газом. Когда их нашли утром, Цзин-эр подумала, что они умерли, и срочно послала за мной. К тому времени, как я вернулся в поместье, их уже привели в чувство.

— Она ещё ребёнок, да к тому же девушка, не сталкивалась с таким, естественно, что испугалась, — кивнул Ци Юньхэн, подумав, что так и есть.

— Да уж, испугалась не на шутку! Я долго её успокаивал, но так и не смог до конца. Хотел остаться в поместье, но побоялся, что ты тут начнёшь думать лишнего, поэтому оставил управляющего Чжуана там, чтобы он контролировал ситуацию, чтобы не случилось новых неприятностей. — Оуян легко упомянул, что управляющий Чжуан не вернулся во дворец.

<http://bllate.org/book/16203/1454404>